Jolanta Mędelska, Marek Cieszkowski

*Uniwersytet Kazimierza Wielkiego
Bydgoszcz*

ОТРАЖЕНИЕ РАННИХ ВАРИАНТОВ СОВЕТСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В МОСКОВСКИХ РУССКО-ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

После Октябрьской революции 1917 г. на территории бывшей царской империи проживало 160 миллионов граждан. Свыше половины (около 57%) от этого числа составляли нерусские народы, общавшиеся на 150 языках [Iwanow 1991: 29]. Одним из первых политических актов нового советского правительства была «Декларация прав народов России», провозгласившая национальное равенство [Герман, Плеве 2002: 32]. Декларация «провозгласила замену позорной политики натравливания народов России друг на друга, которую проводили царское правительство и Временное буржуазное правительство, политикой добровольного, честного и прочного союза» [БСЭ, 13: 603]. Как вскоре выяснилось, – это была декларация на словах.

Несколько миллионов советских граждан в 20-е гг. XX столетия имели свои государства вне Советского Союза: немцы (1238 тыс.)¹, поляки (782 тыс.), греки (213 тыс.), эстонцы (154 тыс.), латыши (141 тыс.), финны (135 тыс.), болгары и сербы (114 тыс.) и др. [Iwanow 1991: 39]. Указанные национальные меньшинства, как правило², не составляли в СССР компактных скоплений. Кроме того, данной – в основном деревенской – части населения почти не коснулись ассимиляционные процессы [Iwanow 1991: 39]. Оба эти фактора воспрепятствовали новым властям успешно распространять на всех граждан свою идеологию. Поэтому по отношению к каждой из народностей была

¹ Данные переписи населения 1926 г.

² Исключение – поляки в Белоруссии и на Украине, а также финны, проживавшие в Карелии и окрестностях Калининграда.

выработана своя политика³, зависящая от экономического положения исторической родины национального меньшинства и характера межгосударственных отношений между данным государством и СССР. Учитывалась также позиция, занимаемая в данной стране коммунистической партией, и роль этой партии в Коммунистическом Интернационале.

В настоящей статье остановимся на двух самых больших национальных скоплениях (имевших в изучаемый период свою историческую родину вне СССР), которые после революции оказались в пределах страны советов: немецком и польском меньшинствах. Представители обоих народов подверглись в Советском Союзе массовым репрессиям, их судьбы во многом соприкасаются.

Немцы появились на русской земле очень рано. Они прибывали на Русь как миссионеры Папы римского, кроме того, устанавливались династические связи. На Печоре работали немецкие рудокопы, немецкие купцы занимались торговлей. В XVI в. на русскую землю прибывали разные специалисты, главным образом: врачи, аптекари, правоведы, теологи, архитекторы, камнетесы, «золотых дел мастера, специалисты по отливке колоколов и другие» [Герман, Плеве 2002: 3].

При Петре I иностранцам были предоставлены большие привилегии, возросло число немцев, поселившихся в России. Немцы стали делиться военным опытом Западной Европы, поступая на военную службу, царь использовал их также при денежной реформе, медицинском обслуживании, в торговле, ремеслах⁴.

Во время правления Екатерины II немцы стали массово поселяться в России, особенно в Поволжье и на Украине. Они охотно отзывались на Манифест (от 1763 г.), которым царица приглашала иностранцев в Россию на свободное поселение и обещала им между другими освобождение от всяких налогов, ссуду на строительство дома и закупку продовольствия до первого урожая, а также свободу вероисповедания и другие льготы [Iwanow 1991: 40]. «Немецкие колонисты должны были явить пример рачительности, деловитости, предприимчивости, прежде всего, русскому населению в целом [...]» [Герман, Плеве 2002: 6]. Спустя столетие в Поволжье проживало уже 1,8 млн. немцев, игравших (вместе с другими представителями этого народа) – вплоть

³ Национальные меньшинства указанного типа объединяло всего лишь наличие буржуазного государства вне Советского Союза.

⁴ «Немцы и другие выходцы из Западной Европы в годы правления Петра подняли на современный уровень такие отрасли российской экономики, как горнодобывающая промышленность, черная и цветная металлургия, оружейное и пушечное дело, многие другие. Подавляющее число казенных предприятий, медицинских, учебных заведений в Москве, Санкт-Петербурге и других городах в годы царствования Петра I были открыты при участии немцев, голландцев, англичан и других западноевропейцев» [Герман, Плеве 2002: 3].

до Первой мировой войны – исключительно важную роль в русской экономике, государственных учреждениях и – что немаловажно – в русской армии [Iwanow 1991: 41]. Жители Поволжья составляли самое большое и довольно компактное немецкое скопление в России.

Во время Первой мировой войны, когда отношения между Россией и Германией стали враждебными, начиная с лета 1914 г., русское население страны окончательно перестало разграничивать внешнего и внутреннего врагов. Внутренним считалось немецкое население России, неприязнь к нему нарастала [Герман, Плеве 2002: 43]. Под давлением военных поражений закрывались немецкие школы, не издавались газеты на немецком языке, были запрещены публичные разговоры на немецком языке, немецкие предприятия и магазины подверглись тихому бойкоту [Lebioda 2004: 169–171]. Был подписан ряд законов, лишивших немцев из западных губерний их землевладений и права на землепользование. Власти планировали распространить эти законы на все немецкое население. Немцев Поволжья планировалось выселить в Сибирь (с весны 1917 г.). «И это происходило в то время, когда почти все взрослые мужчины-немцы Поволжья (свыше 50 тыс. человек), были призваны в армию и находились на фронте» [Герман, Плеве 2002: 44]. Однако после победы Февральской революции действия по ликвидации немецкого национального скопления прекратились⁵.

В 1917 г. образовалась общенациональная организация «Немцы Поволжья», стала издаваться газета на немецком языке, однако уже в конце этого года в Поволжье были национализированы предприятия немецкой буржуазии и конфискована крупная частная собственность немецких колонистов. Руководители «Немцев Поволжья» подверглись преследованиям, немецкая газета закрылась. В 1918 г. был создан Поволжский комиссариат по немецким делам и издан декрет «О создании Области немцев Поволжья» [Герман, Плеве 2002: 138]. В следующем году начались реквизиции скота, лошадей, ослов и продовольствия, т. е., говоря другими словами, наступил «военный коммунизм» [Lebioda 2004: 189]. В 1919–1920 гг. была проведена «продразверстка, приведшая к полному изъятию продовольствия из немецких сел и голоду» [Герман, Плеве 2002: 138]. Область немцев Поволжья провозгласили Автономной Советской Социалистической Республикой Немцев Поволжья (1923 г.). В течение нескольких лет на базе Новой экономической политики восстанавливалась экономика АССР НП. Однако уже спустя несколько лет⁶ власти решили провести сплошную коллективизацию и стали массово «раскулачивать» немецких крестьян в Поволжье. Это вызвало серьезное сопротивление немцев⁷.

⁵ Лучше, наверное, сказать: приостановились.

⁶ С сентября 1929 г. по июль 1931 г.

⁷ Например, в селе Мариенфельд восстали крестьяне.

Власти реагировали проверенным способом. С осени 1932 г. по осень 1933 г., как пишут А. А. Герман, Н. Р. Плеве в *Краткой хронике важнейших событий в истории немцев Поволжья*, приложенной к их книге, «В связи с полным изъятием продовольствия массовый голод населения АССР ПН. От голода умерло свыше 50 тыс. человек» [2002: 138]. В конце 1934 г. директива о борьбе с фашистами и их пособниками среди немецкого населения дала толчок к репрессивной кампании против советских немцев. Репрессировались десятки тысяч немцев, арестовывались и расстреливались представители руководства АССР ПН. В августе 1941 года⁸ был издан «указ „О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья“, официально обвинивший поволжских немцев в пособничестве агрессору» [Герман, Плеве 2002: 138]. Указ на немецком языке опубликовала газета «Nachrichten» [Lebioda 2004: 169–171]. С 3-го по 20-е сентября 1941 г. была проведена депортация немецкого населения в Сибирь и Казахстан. Советских немцев рассеяли по этим бескрайним территориям.

Вторым значительным меньшинством были поляки. Многие представители этой нации появились в России на рубеже XVI и XVII вв. Часть из них попала в плен и была сослана в Сибирь. Известно, что в 1593–1645 гг. в Сибири проживало ок. 650 военнопленных, главным образом – поляков. Их знания и умения нашли применение в царской администрации, армии, а также в колонизировании северных земель [Ruchniewicz 2004: 506].

В самом начале XVIII в. (1702 г.) – по призыву Петра I – добровольные переселенцы устраивались на жительство в Петербург. В Петербурге и других больших русских городах поляки поселялись также во время разделов Польши [Ananiewa 2007: 25]. С половины XIX в. польское население стало массово мигрировать в Россию в поисках заработка. К концу XIX столетия в русской армии служило ок. 250 тыс. польских солдат и офицеров. В конце XIX в. оседали в России польские выпускники русских вузов и демобилизованные военнослужащие. В Бессарабии, на Заднепровской Украине, в Кыму, в Сибири проживали польские крестьяне [Ruchniewicz 2004: 506–509]. В Сибири они поселялись – по приглашению царских властей – с целью освоить эту территорию [Ananiewa 2007: 25].

Состав польского меньшинства в России увеличился за счет потомков политических ссыльных, выселенных царскими властями в Сибирь после вооруженных восстаний против царской власти, а также за счет участников революционного и рабочего движений, репрессированных и ссылаемых в глубь России [Ruchniewicz 2004: 506–509]. На рубеже XIX-го и XX-го вв. в России проживало 400 тыс. выходцев из Польши.

⁸ Т. е. после нападения Германии на СССР.

Во время Первой мировой войны происходили массовые эвакуации поляков в Россию (1,5 млн. человек). Ок. 10% из них остались⁹ жить в Советском Союзе [Iwanow 1991: 68–79]. В стране советов оказались также лица польской национальности, заселявшие земли Речи Посполитой в период до ее разделов [Sierocka 1968: 21]¹⁰. В межвоенный период в Советский Союз переезжали на постоянное жительство польские коммунисты, бежавшие от политических преследований. Эта группа насчитывала ок. 12 тыс. человек [Ruchniewicz 2004: 508].

В 1926 г. в СССР проживало 782,3 тыс. граждан польского происхождения. Они заселяли УССР (496 тыс.), РСФСР (204 тыс.), БССР (97 тыс.), Закавказье (6 тыс.) и Среднюю Азию (3 тыс.) [Iwanow 1991: 71–72]¹¹.

Как и в случае советских немцев, политика советского государства по отношению к гражданам польского происхождения менялась в зависимости от политической ситуации на их родине, а также от актуальной основной установки национальной политики КПСС.

В 20-е и начальные 30-е гг. советские власти провели беспрецедентный национальный эксперимент: была создана польская национальная автономия на территориях, где компактно проживало польское население¹². На Украине был образован автономный польский район имени Ю. Мархлевского, в Беларуси – аналогичный район имени Ф. Дзержинского. В обоих районах официальным языком стал польский [Iwanow 1991: 56–58].

В межвоенный период в советской пропаганде Польша показывалась как потенциальный агрессор против Советского Союза, она стояла в авангарде «мирового империализма», что несомненно сказывалось на судьбах местных поляков [Iwanow 1991: 62–63]. Как пишет М. Иванов, идеальным продуктом советского национального эксперимента был советский гражданин, общавшийся на польском языке, патриот СССР, проникшийся враждебными чувствами к своей буржуазной исторической родине [Iwanow 1991: 64].

В конце 20-х гг. в автономных районах началась коллективизация, основная цель которой – ликвидировать «класс кулаков». Коллективизация вызвала недовольство и острое сопротивление поляков. В результате подавляющее большинство «кулачества» из Мархлевщины было сослано в Сибирь и на Дальний Восток. Остальные земледельцы, в основном классифицирован-

⁹ Хотя им была предоставлена возможность репатриироваться.

¹⁰ Имеется в виду Минщина и волынская, подольская, киевская, гомельская губернии.

¹¹ Эти данные первой советской переписи населения, конечно, не совсем объективные, сегодня оспариваемые. Как пишет С. Грегорович, численность польского меньшинства в Советском Союзе в указанный период определяется 1,3 млн. человек [Gregorowicz 1996: 591].

¹² Необходимо подчеркнуть, что советские граждане польской национальности в большинстве своем не эмигранты, а коренные жители населяемых ими территорий, оказавшиеся за пределами родины вследствие бурных политических перемен.

ные как т. н. середняки и подкулачники, постоянно находились под угрозой репрессирования. Угроза выселений и ссылок должна была сломить их сопротивление [Iwanow 1991: 337–341]. Только в половине 1933 г., когда жители Украины массово умирали от голода, проживавшие там поляки перестали сопротивляться коллективизации. Они устали от тяжелой ситуации, опасались дальнейших репрессий, ссылок и выселений.

В 1935 г. началась ликвидация польской автономии в СССР. Основная причина – разочарование властей неудачной коллективизацией, а также ухудшение польско-советских межгосударственных отношений. В средствах массовой информации была проведена истерическая кампания с целью убедить весь народ в неизбежности нападения польских фашистов на страну советов. Она привела к нарастанию в народе неприязни к польскому меньшинству. Поляки подвергались предупредительным (превентивным) репрессиям. Польские автономные районы на Украине и в Белоруссии были ликвидированы в 1938 г. [Iwanow 1991: 367]

В 1937–1938 советские власти, закрывая польские автономные районы, постепенно, но последовательно стали применять по отношению к польскому меньшинству политику массовых репрессий и геноцида. Вначале их действия сводились к массовым выселениям польского сельского населения из Белоруссии и с Украины, к устранению работников-поляков от стратегических отраслей советской промышленности, а также к преследованиям польских коммунистов, занимавших ответственные посты¹³. Однако со временем, по мере усиления сталинского террора, эти действия превратились в массовые приговоры, в осуждения поляков и их истребление [Iwanow 1991: 369].

Таковы были в самом деле окончательные результаты пресловутого национального равенства, провозглашенного «Декларацией прав народов России», с которой мы начали настоящую статью. Оба интересующих нас национальных меньшинства принадлежали народам, жестоко наказанным их неблагодарной второй родиной – страной советов.

Трагические судьбы обоих национальных скоплений сопровождалась деградацией их родных языков, и это происходило при введении в жизнь т. н. новой (ленинской) национальной политики, провозглашенной X Съездом РКП(б) в марте 1921 г. Ею предусматривалось значительное расширение прав всех национальных меньшинств, всесторонняя помощь в развитии литературы, печати и различных культурно-массовых заведений и учреждений на всех национальных языках [Iwanow 1991: 35]. Как уже упоминалось выше, в автономных национальных районах официальными объявлялись родные языки меньшинств. Огромными тиражами издавались газеты, журналы, книги, школьные учебники, словари, различные документы, отчеты,

¹³ См. Jaworski 1995.

пропагандистские и другие материалы на национальных языках. Цель этой продукции очевидна – успешнее «перевоспитать» народные меньшинства в духе коммунистической идеологии [Iwanow 1991: 369].

Советский вариант польского языка уже несколько лет является объектом лингвистических исследований¹⁴, советская же версия немецкого языка только начинает изучаться¹⁵. Установлено, что хорошим источником сведений о состоянии польского языка в Советском Союзе периода между мировыми войнами является *Русско-польский словарь* под редакцией Юз. Красного (далее РПС) [Mędelska, Marszałek 2000a; 2001: 113–115]¹⁶. Аналогичным источником, отразившим межвоенный советский немецкий язык, может служить и *Русско-немецкий словарь* под редакцией А. Ф. Несслера (далее РНС) [Mędelska, Cieszkowski 2010; 2010a]. Эти словари, примерно одинаковые по объему (РПС – 65 тыс. слов, РНС – 60 тыс.), были выпущены в начале 30-х гг. XX в. Государственным Издательством «Советская энциклопедия», при котором открылась секция «Иностранные словари»¹⁷. Ее организовали, заметив, что национальным языкам, на которых разрешалось общаться и печатать различные материалы, стало недоставать лексики, главным образом, называющей новые явления советской действительности (т. е. своего рода страноведческой лексики), а также неологизмов, которые могли бы служить названиями предметов и явлений, связанных с научно-технической революцией.

Составители новых словарей сообщали об этой нехватке советской лексики в родных языках национальных меньшинств во вступительных статьях своих словарей, ср. слова А. Ф. Несслера, редактора РНС: «[...] трудность заключалась в том, что очень многие понятия, ставшие в Советском Союзе доступными и близкими всем и каждому, порой совсем еще чужды современному немцу, а потому и не нашли подходящей, вполне точно выражающей их истинный смысл передачи на немецкий язык (напр. *выдвиженец*, *пятилетка*, *хлебозаготовки*, *чистка*). И так как всякое новое слово любого языка почти всегда создается не отдельной личностью, не кабинетным путем, а коллективом, или по крайней мере нуждается для своего существования хотя бы в бессознательной санкции коллектива, то здесь составитель словаря оказывается в особо затруднительном положении. Только в крайне редких случаях

¹⁴ См. м. др. Szydłowska-Cegłowa 1997: 251–258; Mędelska, Marszałek 2000: 121–139; 2000a: 38–48; Graczykowska 2005: 96–105; 2007: 39–49; 2008: 137–149; Grek-Pabisowa 2004: 141–149; Grek-Pabisowa, Ostrówka, Biesiadowska-Magdziarz, 2008; 2008a; ср. также Мэндэльска 2001: 174–180; 2001a: 53–61; 2008: 154–151; Маршалек 2001: 167–173; Киселева 2007: 87–92.

¹⁵ Mędelska, Cieszkowski 2010; 2010a.

¹⁶ Конечно, это также интереснейший источник сведений о польской лексике вообще, не только о советизмах, см. Wawrzyńczyk 1990. Кроме того, московские словари представляют интерес и с культурно-политической точки зрения, ср.: Глотов 1995; Tomasiak 2007; Mędelska 2008.

¹⁷ Первым в серии «Иностранные словари» вышел в свет польско-русский словарь под ред. Юз. Красного (РПС) [Дерягин 1981].

он имеет право рискнуть дать свой перевод нового слова, и то лишь в описательной форме [...]; он в силах сделать только одно – подыскать, зафиксировать и дать все то, что в имеющемся старом и новом словарном материале немецкого языка наиболее точно передает понятия, созданные новой советской жизнью во всех ее областях» [РНС: 2]. В предисловии к РПС под редакцией Юз. Красного отмечалось: «[...] исходя из факта, что на данном этапе, в силу сложившихся социально-политических условий, основным создателем польской пролетарской культуры является 800 тысяч трудящихся поляков в СССР, Редакция широко использовала созданную ими послеоктябрьскую польско-советскую терминологию. Правда, и в данном случае приходилось проделывать тщательную отборочную работу, ибо Редакция не могла идти путем наименьшего сопротивления и ограничиваться регистрацией употребляемых в обиходе, переложенных на польскую транскрипцию русских терминов. Все же в словарь вошли все советизмы, привившиеся в польском языке и приобретшие уже права гражданства в международном масштабе. Исходя в основном из терминологии польско-советского обихода, в отдельных, крайне редких случаях, Редакция заменяла употребляемые в практике неудачные польские переводы советизмов новообразованиями, более отвечающими характеру польского языка» [РПС: 18].

Отбор русской лексики для словников обоих словарей был примерно одинаковым. Составители стремились «[...] с возможной полнотой отразить современный русский язык, язык эпохи пролетарской революции и социалистического строительства» [РПС: 16]. В первую очередь в словари вводилась общественно-политическая, экономическая, техническая, военная и научная терминология.

Составители новых двуязычных словарей должны были собрать новую, вполне современную, в том числе и советскую, лексику и, приписав ей иноязычные соответствия, в каком-то смысле кодифицировать их. В кодификации, кстати, нуждалась и новая русская лексика, вводимая в левую сторону словарей, ср. замечание А. Ф. Несслера о том, что включался в четвертое издание «новый материал из современной литературы, до сих пор лексикографически не систематизированный» [РНС: 18].

Можно предположить, что у русско-иноязычных словарей, выпускаемых одним и тем же издательством, в одно и то же время, примерно одинаковых по объему и преследующих аналогичную цель, в большой степени совпадали входные словники, тем более, что А. Ф. Несслер, составитель РНС, сообщает в предисловии к своему словарю: «[...] был использован материал ранее выпущенных нашим издательством словарей: русско-английского [...], русско-польского под ред. Юз. Красного [...]» [РНС: 18].

В настоящей статье мы сопоставили статьи в пределе буквы Б в РНС и РПС, используя с этой целью материал РНС, собранный нами для другой статьи, в которой описывались отличительные признаки советского

немецкого языка, а именно: заимствования из восточных языков как следствие постоянного контакта с народами и народностями СССР и их культурой, страноведческая лека, связанная, с одной стороны, с реалиями русского образа жизни (русская кулинарная лексика, названия музыкальных инструментов и их дериваты, названия одежды, наименования представителей животного мира), с другой – советизмы (т. е. новая политическая терминология и слова, связанные с советским образом жизни) [Mędelska, Cieszkowski 2010a]. «Просматривая вокабулы, включенные в наш словарь, мы главным образом обращали внимание на лексику, характерную для новой советской жизни, т. е. сосредоточились на таких русских словах и словосочетаниях, которые называли предметы и понятия, в новых политических условиях ставшие необходимыми в повседневном общении всех советских граждан, в том числе и местных немцев. Выписывалась лексика, помещенная в правой части словаря, а именно особые немецкие слова и словосочетания, такие, которые, по всей вероятности, не выступали в общенемецком языке изучаемого периода, или же встречались в нем крайне редко» [Mędelska, Cieszkowski 2010a]¹⁸.

Итак, сопоставив все 30 начальных статей на букву *Б* в РНС и РПС, мы отметили совпадение всего 19 заголовочных слов, т. е. ок. 63% выборки, а именно: *ба!*, *баба*, *бабий*, *бабит*, *бабка*, *бабник*, *бабочка*, *бабушка*, *бабё*, *баварец*, *багаж*, *багет*, *багор*, *бадьа*, *база*, *базальт*, *базар*, *Базедова болезнь*¹⁹. РНС ввел 11 следующих черных слов, пропущенных РПС: *баба-яга*, *баббит*, *Бабёф*, *бабуин*, *Бавария*, *баварский*, *багрить*, *багульник*, *бадан*, *баданец*, *бадьян*, РПС же – 10 слов, не зафиксированных РНС: *б²⁰*, *бабахнуть*, *бабище*, *бабувисты*, *бабуся*, *багер*, *багренье*, *багроветь*, *бадяга*, *базилика*. Как видно, различия не очень-то существенны, скорее всего – случайны. Из принятых составителями несколько различных лексикографических установок вытекает, как нам кажется, только разница в трактовке собственных названий: РНС в этом отношении более современен, включает их в корпус словаря (ср. *Бабёф*, *Бавария*), РПС – прилагает отдельным списком к послекорпусной части²¹ [РПС: 1356], но делает это непоследовательно, так как названия советских республик все-таки зафиксированы в корпусе словаря. (Отметим, однако, что оба источни-

¹⁸ «Выборка проверялась во многотомном немецком толковом словаре 60-х гг. XX в. (WDGS), включающем, что здесь существенно, лексику, употребляемую в ГДР, и в основном немецком этимологическом словаре (EWDS), а также – непоследовательно – в некоторых других словарях, в том числе переводных. Русские вокабулы, в свою очередь, проверялись в ТСРЯ, основном толковом словаре исследуемого здесь периода, иногда – и в некоторых других словарях русского языка» [Mędelska, Cieszkowski 2010a].

¹⁹ Однако в РНС это название зафиксировано в неправильном орфографическом облике, т. е. записано с прописной буквы: *Базедова болезнь*, в РПС же – в правильном, с маленькой: *базедова болезнь*.

²⁰ Это сокращенная форма частицы *бы*.

²¹ Там зафиксированы как *Бабёф*, так и *Бавария*.

ка регистрируют дериват географического названия *Бавария* – *баварец*, кроме того, в РПС находим имя существительное *бабувисты*, образованное от выведенной за рамки корпуса фамилии французского коммуниста-утописта XVIII в. Гракха Бабефа [БЭС: 88]). Таким образом, очевидно, что московские русско-иноязычные словари не создавались по одному образцу, не подражали друг другу, что они во входной части не штампованные, не шаблонные, как могло бы на первый взгляд показаться. Это авторские словари.

Перейдем к анализу сходств и различий в отражении указанными словарями отпечатка «советскости» на польском и немецком языках, употреблявшихся в СССР в период между мировыми войнами.

Итак, А. Ф. Несслер, редактор РНС, ввел в словник следующие заимствования из восточных языков: *байрам*, *балык*, *бахча*, *башлык*, *бей*, *бек*, *бешмет*, *бурка*, а также названия народов и народностей, проживавших в Советском Союзе, и их дериваты; *балкарец*, *балкарский*, *башкирец*, *башкирский*, *бурят*, *бурятка*. Из них Юз. Красный, редактор РПС, не учел: *бахча*, *бек*, *бешмет*, а из названий народностей и их дериватов – *балкарец*, *балкарский*, *бурятка*.

Наличие ориентализмов – одна из отличительных черт советских вариантов европейских языков. Они употреблялись народными меньшинствами СССР намного чаще, чем их соотечественниками, проживавшими на исторической родине. Немцам из Германии, наверное, немецкие соответствия указанных лексем вообще не были известны. Для части из этих слов даже просто не существовало готовых переводных эквивалентов (ни один из ориентализмов, включенных в правую сторону РНС, не фиксируется ни немецким этимологическим словарем EWDS, ни толковым WDGS), поэтому А. Ф. Несслер вынужден был прибегать к транскрипции, иногда сопряженной с объяснением значения, напр.: *Burka* [*kaukasischer zottiger (Filz)Mantel*] (ср. *Balyk*, *Baschlik*, *Beg*, *Bei*, *Bey*, *Bram*, *Beiram*, *Burka*), применять новообразования (ср. *Kürbisfeld*, *Melonengarten*), гиперонимы (*Joppe*, *Kapuze*) или же описательный метод (ср. *gedörrter Störrücken*). У Юз. Красного не было таких проблем. Заимствования из восточных языков – это сравнительно древний слой польской лексики, По историческим обстоятельствам они попадали в польский язык через посредничество украинского языка. Часть из них введена в этимологический словарь польского языка, изданный в период между мировыми войнами, ср.: *bałyk*, *baszłyk*, *burka* [SEJP], остальные фиксирует толковый словарь польского языка: *bajram*, *bej* [SJPD].

Из русской собственно страноведческой лексики (кулинарные названия, названия музыкальных инструментов и их дериваты, названия одежды), введенной в РНС, особый интерес представляют следующие единицы: *балалайка*, *балалаечник*, *баян*, *баянист*, *блин*, *блинок*, *блинчик*, *борщ*, *ботвинья*, *бублик*, *будёновка*. РПС не отметил из этого списка только уменьшительной формы *блинок*.

Перевод указанного слоя русской лексики на немецкий язык, точно так же, как и перевод ориентализмов, оказался сложнее, чем подбор ее польских эквивалентов. В силу исторических обстоятельств, на этот раз – общей польско-украинско-белорусской бытовой традиции как следствия продолжительного проживания трех народов в одном государстве: Речи Посполитой, в Польше были уже в обиходе многие из соответствий указанных русских слов. Часть из них фиксируют польские словари, в том числе межвоенный SEJP (*bałalajka*, *barszcz*²², *blin*, *boćwina*)²³. Немецкий переводчик, А. Ф. Несслер, вынужден был транслитерировать русские названия («*Bajan*», *Borschtsch*, *Botwinia*), предлагать неточные (*Betensuppe*, *Mangoldsuppe*²⁴, *Pfannkuchen*²⁵, *Ringel*²⁶) или более общие (*Ziehharmonikaspieler*²⁷) эквиваленты. Немецкими словарями фиксируются всего два из нужных здесь слов: *Plinse* и *Balalaika* [EWDS, WDGS].

Интересный случай в данной группе слов – новообразование *будёновка*²⁸, очень в то время популярное и поэтому вполне оправданно включенное в оба словника. Конечно, ни польского, ни немецкого соответствия этого названия не было, но Юз. Красный предложил аналогичное польское новообразование: *czapka budionówka*, а А. Ф. Несслер – описательный эквивалент: *russische Helmmütze*.

Группу советизмов мы разделили на два подразряда: политические термины и лексику, называющую советский образ жизни.

Проживая в СССР и общаясь на своих языках, немцы и поляки вынуждены были приспособить к системе родных кодов русские названия, связанные с политической жизнью советского государства. Огромное число политических терминов встречалось в то время во всей советской прессе, их соответствия неизбежно должны были появиться и в прессе, выпускаемой в Советском Союзе на немецком и польском языках. Часть подобной лексики после Второй мировой войны стала повсеместно употребляться в ПНР и ГДР, однако – по всей вероятности – большую ее часть первыми ввели в употребление немцы и поляки, проживающие в СССР в межвоенный период.

²² Слово *борщ* заимствовано из польского языка [SEJP].

²³ Отметим, однако, одну неточность в переводе, предложенном Юз. Красным: пара *борщ*: *barszcz* – это т. н. ложные друзья переводчика (русскому *борщ* соответствует польское *barszcz ukraiński*).

²⁴ В статье *борщ*.

²⁵ В статье *блин*.

²⁶ В статье *бублик*.

²⁷ В статье *баянист*.

²⁸ ТСПЯ – нов., разг. ‘Красноармейский шлем особого образца [По фамилии командира первой конной армии Буденного]’.

Единицы левой части РНС, обратившие на себя наше внимание, – это: *басмач*²⁹, *белобандит*³⁰, *белокитаец*³¹, *белоземigrant*³², *большевизация*, *большевизировать*, *большевизм*, *большевик*, *большевистский*, *большевичка*, *партийный билет* (в статье *билет*), *будёновец*³³. Из этих советизмов РПС пропустил всего 3: *белобандит*, *белокитаец* и *партийный билет*. С переводом политической лексики на немецкий язык не было на этот раз больших проблем, дериваты от руссизма *Bolschewik* образуются легко (часть из них регистрируется немецкими словарями), ср.: *Bolschewikin*, *bolschewisieren*, *Bolschewisierung*, *Bolschewismus*, *Bolschewist*, *bolschewistisch*. Советизм-ориентализм *басмач* передан транслитерацией: *Basmatsch* и сопровождается пояснением в скобках: *kontrrevolutionärer Räuber in Turkestan* (в РПС аналогичный перевод: *basmacz*, но без всяких пояснений; отметим, однако, что здесь словарная статья богаче, в ней дано прилагательное *басмаческий* и существительное *басмачество* со своеобразным описательным переводом: *bandytyzm basmacki w Turkiestanie*).

С серией новообразований эфемерного характера: *белобандит*, *белоки-таец*, *белоземigrant* А. Ф. Несслер справился, калькируя их (*Weißbandit*, *Weißemigrant*) или описывая (*chinesischer Weißgardist*). Юз. Красный ввел структурную кальку: *białozemigrant*. Что касается новообразования *будёновец*, то в РПС соответствует ему аналогичный дериват фамилии *Budjonny*: *budionowies*, в РНС – скорее пояснение значения, чем текстовый эквивалент: *Reiter der Armee von Budjonny*.

Из лексики, называющей новый, советский образ жизни³⁴, стоит обратить внимание на следующие заголовочные слова на букву Б, введенные в РНС: *бесхлебица*³⁵, *бесхлебье*³⁶, *беспризорник*³⁷, *беспризорность*³⁸, *бестоварье*³⁹, *бюро коллектива* (в статье *бюро*). Кроме слова *бесхлебье*, все они фиксируются также РПС. Указанные здесь единицы употребляются в русском языке в своем основном, нейтральном значении и в значении с коннотацией «советскости». В первом значении они, как правило, бытовали на периферии русского лекси-

²⁹ ТСРЯ: полит. и нов. тюрк. 'Бандит, участник контрреволюционного движения в Туркестане'.

³⁰ ТСРЯ не фиксирует.

³¹ ТСРЯ не фиксирует.

³² ТСРЯ: – нов. 'Контрреволюционер, находящийся в эмиграции: белый эмигрант'.

³³ Нет этого новообразования в ТСРЯ.

³⁴ Имеются в виду наименования понятий и явлений, появившихся в новых, после-революционных социальных условиях, характерных именно для Советского Союза и не выступающих, как правило, за его пределы.

³⁵ ТСРЯ: *бесхлебица* простореч. 'Общий недостаток в хлебе, голодовка при недороде'.

³⁶ В ТСРЯ *бесхлебье* не зафиксировано.

³⁷ ТСРЯ: нов. 'Беспризорный подросток'. В развалинах дома ночуют беспризорники.

³⁸ ТСРЯ: Отвлеч. сущ. к *беспризорный* (книжн.).

³⁹ ТСРЯ: газет. 'Недостаток, отсутствие товаров'.

ческого состава (напр., довольно объемным словарем СРЯ не зафиксированы *бесхлебье* и *бестоварье*, *бесхлебица* же помещена с пометой *прост., беспризорность* в ТСРЯ фиксируется с ограничением *книжн.*). В 30-е гг. данные слова распространились в обиходе именно из-за новых семантических оттенков. Составители московских русско-иноязычных словарей, наверное, по этой причине, т. е. по текстовой (газетной) частотности в новоприобретенном значении, включили их в словники. Оба, однако, не справились с правильным переводом советизмов на свои языки, привели соответствия, лишенные необходимых коннотаций.

Итак, А. Ф. Несслер предложил для существительных *бесхлебица* и *бесхлебье*, упорядочившихся в то время часто, по всей вероятности, для обозначения длительного, продолжающегося неурожая в огромном масштабе, приводящего к массовому голоду (ср. выше об этом явлении на советской Украине), неточные эквиваленты: *Brotmangel* и *Brotlosigkeit* (в WDGS⁴⁰ в другом значении: 'die geringe Verdienstmöglichkeit: die B. eines Kunstzweiges' ('Ничтожные возможности зарабатывать')). К слову *бестоварье*, обозначающему столь типичное для советской экономики состояние недостатка товаров в продаже, постоянного дефицита, подобрано абсолютно нейтральное⁴¹ образование на немецком языке: *Warenmangel* (кстати, не фиксирующееся ни WDGS, ни EWDS). Словом *беспризорник* в послереволюционное время назывался прежде всего потерявшийся в военном или революционном водовороте, брошенный ребенок или подросток, нередко бежавший из детского дома, куда его поместили, посадив, сослав или расстреляв родителей. Немецкое соответствие: *Verwahrloste(r)*, предложенное А. Ф. Несслером, не передает этих коннотаций⁴².

Юз. Красный также не сумел (не мог?) передать нюансы семантики указанных советизмов. В статьях *беспризорник*, *беспризорность* даны слишком объемные семантически эквиваленты: *bezdomny*, *bezdomność*, в статье *бестоварье* просто: *brak towaru*⁴³, в статье *бесхлебица* – *brak chleba, głód, nieurodzaj*.

К самым характерным признакам послереволюционного русского языка несомненно принадлежит обилие в нем сложносокращенных слов, в том числе различных по структуре буквенных аббревиатур. Как правило, в европейских языках, не находившихся под непосредственным влиянием русского языка, аббревиация стала бурно развиваться только после Второй мировой войны.

⁴⁰ Т. 1, с. 678.

⁴¹ 'Отсутствие товаров' (Товара может не быть, к примеру, в магазине, который закрыли на ремонт, и – после него – еще продуктов не завезли).

⁴² Ср. запись в WDGS (т. 6, с. 4139): *verwahrlosen* «*verwahrloste, verwahrlost; unordentlich werden, nicht (mehr) gepflegt werden: seine Wohnung, ein Gebäude v. lassen; ein verwahrloster Garten; sein Äußeres ist (ganz) verwahrlost; verwahrloste Kleidung; herunterkommen: der Jugendliche war damals in der Großstadt verwahrlost; sittlich v.; dazu Verwahrlosung, die; -, -en /Pl. ungebräuchl./».*

⁴³ Со временем, уже в ПНР, назвали это явление словосочетанием: *puste półki (sklepowe)*.

Советские аббревиатуры, естественно, отмечались московскими переводными словарями, так как пропуск их – из-за текстовой частотности и значимости в то время – был бы неоправданным⁴⁴. Однако тогдашняя асимметрия в развитии аббревиации в русском языке и в других языках привела к затруднениям в подборе немецких и польских соответствий.

В РНС, в пределе буквы Б, нам встретились всего три образования аббревиатурного типа: БССР (Белорусская Советская Социалистическая Республика), БСЭ (Большая Советская Энциклопедия) и Бурято-Монгольская АССР. Все три сокращенные слова фиксирует и РПС (который, кстати, в данном буквенном пределе дает еще несколько других аббревиатур). А. Ф. Несслер с переводом не справился, предложив в его качестве просто расшифровку буквенных сокращений, ср.: *Weißrussische Sozialistische Sowjetrepublik u Burjätisch-Mongolische Autonome Sozialistische Sowjetrepublik* (в статье БСЭ вообще нет немецкого эквивалента). Юз. Красный применил соответствующее польское сокращение: BSRR, в двух остальных случаях вынужден был применить развернутые эквиваленты: *Wielka encyklopedia sowiecka* и *Burjato-Mongolska autonomiczna socjalistyczna republika radziecka*⁴⁵.

Просматривая РНС, мы отметили в нем наличие приема, характерного для советской действительности и заключающегося в применении текстовых иллюстраций не нейтральных, а идеологически маркированных, в своеобразном протаскивании даже в переводной словарь коммунистической идеологии [Mędelska, Cieszkowski 2010a]. Это следующие случаи: статья *беззаветный*: *беззаветная поддержка партии die unbegrenzte Unterstützung der Partei*; статья *боевой*: *боевой характер ленинизма der kampflustige (или kämpferische) Charakter des Leninismus*; *партия – боевой штаб пролетариата die Partei ist der Armeestab des Proletariats*; статья *бой*: *революционно-классовые бои revolutionäre Klassenkämpfe*; статья *борьба*: *классовая борьба Klassenkampf*; *борьба с буржуазными тенденциями Kampf, gegen die (или mit den) bürgerlichen Bestrebungen (или Tendenzen)*; статья *бюджет*: *бюджет рабочего Arbeiterhaushalt*; статья *брат*: *брат на себя обязательства по соцсоревнованию Verpflichtungen im sozialistischen Wettbewerb eingehen*; статья *буржуазный* (с. 94): *буржуазный предрассудок spießiges Vorurteil*; статья *бюро* (с. 98): *бюро коллектива (или ячейки) Zellenleitung*. Интересно, что в аналогичном РПС таких примеров ни в указанных статьях, ни во всем пределе буквы Б мы не обнаружили.

Подытоживая все сказанное, отметим, что представителей двух самых многочисленных национальных меньшинств в Советском Союзе: немецкого и польского, проживавших за пределами своей исторической родины и в полном отрыве от нее, постигла аналогичная горькая участь. Их трагические

⁴⁴ Ср. Tomasik 2007; Mędelska 2010.

⁴⁵ Именно так, маленькими буквами.

судьбы нашли отражение и в родных языках, в их деградации, в их советизации, в их суконном характере. Наш анализ показал, что советским немцам сложнее, чем местным полякам, приходилось приспосабливать свой родной языковой код к функционированию в стране советов.

Исследуя советские варианты национальных языков, несомненно стоит обратиться к русско-иноязычным словарям, выпущенным в Москве в период между мировыми войнами. В их правой стороне запечатлены ранние немецкие и польские новообразования с отпечатком «советскости», часть из которых со временем вошла в общенациональные языки (особенно в их версии, употреблявшиеся в ГДР и ПНР), часть же, особенно поражающе чудовищные калькированные образования, ушла в небытие. Достоверность словарных материалов, т. е. их настоящую природу: распространенный советизм, возникший стихийно и тут же введенный в обиход, или же искусственное новообразование, созданное редакторами кабинетным способом, следует еще установить путем эксцерпции океана советской бумажной продукции, выпущавшейся на языках национальных меньшинств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ	– Вавилов С. И., Введенский Б. А. (гл. ред.), <i>Большая советская энциклопедия</i> , т. 1–51, Москва 1950–1958.
БЭС	– Горкин А. П. (ред.), <i>Большой энциклопедический словарь</i> , Москва 2001.
ПРС	– Красный Юз. (ред.), <i>Польско-русский словарь</i> , Москва 1931.
РНС	– Несслер А. Ф. (ред.), <i>Русско-немецкий словарь</i> , Москва 1934.
РПС	– Красный Юз. (ред.), <i>Русско-польский словарь</i> , Москва 1933.
СРЯ	– Евгеньева А. П. (ред.), <i>Словарь русского языка</i> , т. 1–4, Москва 1981–1984.
ТСРЯ	– Ушаков Д. Н. (ред.), <i>Толковый словарь русского языка</i> , т. 1–4, Москва 1935–1940.
EWDS	– Kluge F., Götze A., <i>Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache</i> , Berlin 1948.
SEJP	– Brückner A., <i>Słownik etymologiczny języka polskiego</i> , Warszawa 1993.
SJPD	– Doroszewski W. (red.), <i>Słownik języka polskiego</i> , t. 1–11, Warszawa 1958–1969.
WDGS	– <i>Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache</i> , herausgegeben von R. Klappenbach und W. Steinitz, Bd. 1 (1969), 5. Auflage, Bd. 2 (1968), 2. Auflage, Bd. 3 (1970), Bd. 4 (1975), Bd. 5 (1976), Bd. 6 (1978), 2. Auflage, Berlin.

ЛИТЕРАТУРА

- Герман А. А., Плевне И. Р., 2002, *Немцы Поволжья: краткий исторический очерк*, Саратов.
- Глотов А., 1995, *Образ советской действительности 30-х годов в польско-русском и русско-польском словаре московского издания 1941 года (моральный и культурный аспекты)*, [w:] Bartoszewicz A. (red.), *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe*, t. 2, *Językoznawstwo i translatoryka*, Olsztyn, s. 249–256.
- Дерягин В. Я., 1981, *Вопросы изучения русско-польской лексикографической традиции*, „Prace Filologiczne” XXX, с. 175–180.
- Киселева И., 2007, *Советский польский язык в России до II Мировой войны*, [w:] Laskowska E., Jaracz M. (red.), *Język, historia, polityka*, Bydgoszcz, s. 87–92.
- Маршалек М., 2001, *Из исследований над советским польским языком (1917–1939)*, „Zinatkiskie Raksti” III, Riga, s. 167–173.
- Мэндэльска Ио., 2001, *Советский польский язык как новый объект лингвистических исследований. К постановке вопроса*, „Zinatkiskie Raksti” III, Riga, s. 174–180.
- Мэндэльска Ио., 2001a, *Проблемы исследования послереволюционного варианта советского польского языка*, „Scando-Slavica”, № 47, s. 53–61.
- Мэндэльска Ио., 2008, *О языке польских меньшинств в СССР в 20-е-30-е годы XX века*, [w:] *Вторые Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения*, Севастополь, с. 154–161.
- Мэндэльска Ио., 2010, *Об изучении послереволюционной разновидности советского польского языка* (в печати).
- Ananiewa N., 2007, *O polskich gwarach Syberii: projekt badawczy*, „Acta Baltico-Slavica” XXXI, s. 25–32.
- Graczykowska T., 2005, *Język cyklu reportażu „Płomień i próchno” Wandy Wasilewskiej na tle polszczyzny radzieckiej*, „Linguistica Bidgostiana” II, s. 96–105.
- Graczykowska T., 2007, *Rusycyzmy i sowietyzmy w tekstach Tomasza Dąbala (przedstawiciela polskich komunistów przebywających w okresie międzywojennym w ZSRR)*, [w:] E. Laskowska, M. Jaracz (red.), *Język, historia, polityka*, Bydgoszcz, s. 39–49.
- Graczykowska T., 2008, *Wpływ sytuacji politycznej na jakość polszczyzny tygodnika „Trybuna Radziecka” wydawanego w ZSRR w dwudziestolecie międzywojennym*, [w:] Laskowska E., Czachorowska M. (red.), *Język, społeczeństwo, wartości*, Bydgoszcz, s. 137–149.
- Gregorowicz S., 1996, *Polacy w Rosji i Związku Radzieckim*, [w:] *Nowa encyklopedia powszechna PWN*, t. 5, Warszawa, s. 591–592.
- Greg-Pabisowa I., 2004, *Z badań języka polskiego na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym*, [w:] Kuczyński A., Michalska M. (red.), *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie. Tradycja i współczesność*, Wrocław, s. 141–149.
- Greg-Pabisowa I., Ostrówka M., Biesiadowska-Magdziarz B., 2008, *Język polski na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym. Polszczyzna mówiona*, Warszawa.
- Greg-Pabisowa I., Ostrówka M., Biesiadowska-Magdziarz B., 2008a, *Język polski na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym. Polszczyzna pisana*, Warszawa.

- Iwanow M., 1991, *Pierwszy naród ukarani. Polacy w Związku Radzieckim 1921–1939*, Warszawa–Wrocław.
- Jaworski K., 1995, *Bruno Jasieński w sowieckim więzieniu. Aresztowanie, wyrok, śmierć*, Kielce.
- Lebioda T., 2004, *Niemcy rosyjscy w polityce RFN na tle ich znaczenia w Rosji i relacjach niemiecko-rosyjskich w latach 1763–2003*, Wrocław.
- Mędelska J., 2008, *Nowe, radzieckie realia odzwierciedlone w moskiewskim słowniku rosyjsko-polskim wydanym w latach 30. ubiegłego wieku*, [w:] Laskowska E., Czachorowska M. (red.), *Język, społeczeństwo, wartości*, Bydgoszcz, s. 275–285.
- Mędelska J., 2010, *Skrótowce porewolucyjne w pierwszych radzieckich słownikach dwujęzycznych*, „Acta Baltico-Slavica” XXXIV, s. 73–88.
- Mędelska J., Cieszkowski M., 2010, *O potrzebie podjęcia badań nad radziecką wersją języków mniejszości narodowych byłego Związku Radzieckiego*, „Acta Baltico-Slavica” XXXIV, s. 103–120.
- Mędelska J., Cieszkowski M., 2010a, *O раннем варианте немецкого советского языка (на материале Русско-немецкого словаря А. Ф. Несслера)*, „Slavia Orientalis” LIX, nr 4 (w druku).
- Mędelska J., Marszałek M., 2000, *Kułać czy gbur? Rozterki twórców polszczyzny radzieckiej*, „Przegląd Polonijny” XXVI, nr 3, s. 121–139.
- Mędelska J., Marszałek M., 2000a, *Twórzmy słownik polskiego języka radzieckiego!*, „Poradnik Językowy”, nr 8, s. 38–48.
- Mędelska J., Marszałek M., 2001, *Z badań nad językiem Polonii radzieckiej lat 1917–1939*, [w:] Szewczyk Ł. M., Czachorowska M. (red.), *Język polski w rozwoju*, Bydgoszcz, s. 111–121.
- Ruchniewicz M., 2004, *Polacy i Polonia (Rosja)*, [w:] *Wielka encyklopedia PWN*, t. 23, Warszawa, s. 506–509.
- Sierocka K., 1968, *Polonia Radziecka 1917–1939. Z działalności kulturalnej i literackiej*, Warszawa.
- Szydłowska-Ceglowska B., 1997, *Język polski w Rosji porewolucyjnej i ZSRR (do roku 1935)*, „Język Polski” LXXVII, nr 4–5, s. 251–258.
- Tomasik P., 2007, *Ideologia w skrócie. Obraz Związku Radzieckiego lat 20. XX w. utrwalony w skrótowcach rosyjskich*, [w:] Laskowska E., Jaracz M. (red.), *Prace Komisji Językoznawczej BTN. Język, historia, polityka*, Bydgoszcz, s. 161–165.
- Wawrzyńczyk J., 1990, *O pewnym źródle dokumentacyjnym słownictwa polskiego*, „Poradnik Językowy”, nr 1, s. 58–60.

REFLECTION OF EARLY SOVIET DIALECTS OF NATIONAL LANGUAGES
IN RUSSIAN BILINGUAL DICTIONARIES PUBLISHED IN MOSCOW

SUMMARY

After the October Revolution, over half of the citizens of the new Russian state were non-Russians. The historical homeland of some of them was outside the Soviet Union. The experiences of two largest national minorities: the Germans (1 238 000) and the Poles (782 000) were similar in many respects. Members of both nations were persecuted, suffered massive repression, and were deported to Siberia and Kazakhstan.

The new cultural and political reality (separation from the historical homeland and national languages, influence of Russian and other languages of Soviet Union nations, necessity to use new Soviet lexis and technical/scientific terminology on a daily basis) forced changes in German and Polish used in the Soviet Union. Soviet dialects of national languages were reinforced in books, handbooks, the press, and propaganda materials etc. published in German and Polish in huge number of copies.

The Soviet dialects of German and Polish were reflected on the right side of Russian-German and Russian-Polish dictionaries published in the 1930s by "Sovetskaya Entsyklopedia". The analysis and comparison of the language material excerpted from the dictionaries show that Soviet dialects of both languages were characterized by the presence of orientalisms (result of the constant contact with the nations and nationalities of the Soviet Union and their culture) and unique lexis related to the Russian way of life (Russian culinary lexis, names of musical instruments, names of garments) and Sovietisms (i.e. new political terminology and words related to the Soviet way of life). The Germans found it more difficult to adapt their native code to life in the Soviet Union.

Key words: German and Polish national minority in the Soviet Union, sovietization of languages, Russian bilingual dictionaries published in Moscow.

Ключевые слова: немецкое и польское национальные меньшинства в СССР, советизация языков, московские русско-иностранноязычные словари.